

Пашин С.С.

Червонорусские параллели к статьям Русской Правды о роте

В судебной практике Галицкой (Червоной) Руси XV в. прослеживаются два способа принесения присяги (*iuramentum, rotha*). Католики присягали на кресте, как правило, в здании суда. «Русский (в данном случае — православный) обычай» требовал давать клятву только у входа в православный храм. Записка львовского гродского суда от 28 сентября 1473 г. подробно описывает порядок принесения присяги «*iuxta modum Ruthenicum*»: присягавший (шляхтич, крестьянин-кмет или горожанин — без разницы) должен был, держась левой рукой за рукоятку церковной двери в виде кольца (*per rothulam circa ecclesiam*) и крестясь правой рукой, проносить слова заранее составленной и одобренной судебной инстанцией клятвы¹.

Поскольку подготовка к церемонии требовала определенного времени, решение о ней обычно принималось на предыдущем судебном заседании. Судья и заседатели в первую очередь стремились выяснить конфессиональную принадлежность участников предстоящей церемонии. От этого зависело, как они будут присягать: «на кольце или на кресте» (*ad Colcze vel ad crucem*)².

В период между судебными заседаниями следовало подготовить текст присяги. У католиков его стандартные формулы не отличались многословием: «Пусть меня (нас) Бог рассудит и святой крест, что (было то-то)»³. Текст присяги православного истца, ответчика или свидетеля, вместо (кроме) креста, непременно включал в себя имя святого, в честь которого названа церковь, и в конце — готовность принять небесную кару в случае лжесвидетельства.

В львовских судебных записках в качестве «напарника» Бога и исполнителя божественного наказания неизменно выступал св. Николай (Микула), скорее всего, по той причине, что построенная в конце XIII в. и сохранившаяся до наших дней каменная церковь св. Николая была ближайшим к зданию суда православным храмом. Вот образчики присяги: «Пусть нас Бог рассудит и святой Микула, что [...]. Святой Микула, если хорошо клянемся, останься с нами, если плохо клянемся — пусть святой Микула покинет нас»; «Пусть меня Бог рассудит и св. Крест, и св. Микула, что [...]. Если правдиво клянусь, вверяю себя св. Микуле, если не правдиво — пусть св. Микула покинет меня»⁴. В Саноке аналогичную роль выполняла церковь св. Дмитрия (Дмитра)⁵.

¹ Akta grodzkie i ziemskie z czasów Rzeczypospolitej Polskiej z Archiwum tak zwanego bernardyńskiego we Lwowie (далее — AGZ). Т. 15. We Lwowie, 1891. S. 162. N 1262. См. также: Т. 13. We Lwowie, 1888. S. 393–394. N 5034 (1462 г.).

² Ibid. Т. 14. We Lwowie, 1889. S. 158. N 1277. См. также: Т. 12. We Lwowie, 1887. S. 156. N 1786; Т. 13. S. 562. N 6899; Т. 14. S. 37, 54. N 297, 440.

³ Ibid. Т. 12. S. 54, 108, 336. N 496, 1096, 3478.

⁴ Ibid. Т. 14. S. 137, 413. N 1115 (1444 г.), 3132 (1454 г.).

⁵ Ibid. Т. 11. We Lwowie, 1886. S. 48, 101. N 344, 754.

Символический смысл присяги «на кольце» прочитывается без особого труда. Скобы в виде рельефных львиных масок с кольцами в пасти украшали двери многих западноевропейских, византийских и русских храмов. Храм, в свою очередь, был символом вселенной, объединяющей небесную и земную сферы. Идея храма как микрокосма подразумевает пространственную и временную определенность: на востоке, в алтарной части, пребывает священное прошлое; на западе, у церковной двери — тревожное будущее, связанное с ожиданием второго пришествия Христа⁶. Сцены Страшного суда помещались на порталах, украшавших церковные двери (Западная Европа), либо на сводах и стенах западной части здания (Византия и Русь). Каждый посещавший храм должен был видеть эти сцены. Следует помнить, что идея Страшного суда как завершения истории человечества в средневековом сознании заслонялась более доступной мыслью о кончине конкретного верующего и его персональном спасении или осуждении⁷. Поэтому совершение преступления близ сакрального места считалось тяжким грехом, достойным самого сурового наказания со стороны как земных, так и небесных сил.

Не столь однозначен вопрос о причинах бытования подобного обычая в Червоной Руси XV века. Наш единственный предшественник в деле изучения присяги «на кольце», польский историк В. Гейнош, справедливо видя в ней «пережиточную институцию древнерусского права», полагал, что католическая форма присяги «является формой шляхетского сословия, „iuris terrestris“, русская же — сословий низших»⁸. В последнем случае он, думается, ошибался.

Древнерусские князья с середины XI в., действительно, обычно клялись на кресте, а само крестное целование становится синонимом княжеской клятвы. В Повести временных лет под 1068 г. дается своеобразный панегирик силе не только крестного целования, но и «честного креста», причем концовка текста прямо перекликается с червонорусской судебной практикой: «Ничего же ся боять беси, током креста. Аще бо бывають от бесъ мечтанья, знаменавшe лице крестомъ, прогоними бывають»⁹.

Однако самая близкая параллель прослеживается в известии ПВЛ под 945 г.: приехавшие в Киев для подтверждения договора с Русью византийские послы сообщили князю Игорю: «Твой сли возили суть царе наши *роте*, и насъ послаша *роте* водить тебе и мужь твоихъ». На следующий день «*ходи Игорь роте*» вместе с дружинниками-язычниками на холм с идолом Перуна, «а крестеяную Русь *водиша роте* в церкви святаго Ильи»¹⁰.

В ПВЛ слово «рота» упоминается 20 раз: под 907 (дважды), 912, 945 (7 раз), 971, 980, 985, 1095 (2 раза), 1097 (2 раза) и 1103 (3 раза) годами. Топографическую привязку, да и то косвенную, имеет лишь известие под 907 г.: после успешного похода русского войска на Царьград византийские императоры Леон

⁶ Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М., 1984. С. 83.

⁷ Гуревич А.Я. Культура и общество средневековой Европы глазами современников (Ехемпла XIII века). М., 1989. С. 111, 125, 128.

⁸ Hejnosz W. Fragmenty «Iuris Ruthenici» na Rusi Czerwonej pod koniec średniowiecza // Księga pamiątkowa ku czci Władysława Abrahama. T. 2. Lwów, 1931. S. 292, 295.

⁹ Повесть временных лет. СПб., 1996. С. 75.

¹⁰ Там же. С. 26. Здесь и ниже жирный курсив в цитатах наш.

и Александр «миръ сотвориста со Олгом, имшеся по дань и *роте заходивше* межы собою, целовавшее сами крестъ, а Ольга *водивше на роту* и мужи его по Рускому закону, кляшася оружьемъ своим, и Перуном, богомъ своим, и Волосомъ, скотьемъ богомъ, и утвердиша миръ»¹¹.

Практически во всех случаях подразумевается, что церемонии принесения присяги-роты предшествует какое-то передвижение: договоры Руси с Византией обязывают истцов и ответчиков «*на роту ходить* по своей вере», в 985 г. Владимир Святославич заключил мир с волжскими болгарами «и *роте заходила* межю собе»; в 1095 г. Владимир Мономах говорил дружинникам, склонявшим его к убийству половецких ханов: «Како се могу створити, *роте* с ними *ходивъ*». В 1097 г., после ослепления Василька Тербовольского, киевский князь Святополк Изяславич оправдывался перед послами Владимира Мономаха и черниговских Святославичей: «Поведа ми Давыдъ Игоревичъ, яко Василко... *заходила роте* с Володимером» и т.д.¹²

Столетие спустя порядок принесения присяги не претерпел изменений. Согласно договору Новгорода с Готским берегом и немецкими городами (1189–1199 гг.), при некоторых судебных тяжбах русские или немцы «*роте шедъ*, свою правду възмутъ. Оже емати скотъ варягу на русине или русину на варязе, а ся его заприть, то 12 мужъ послухы, *идеть роте*, възметь свое»¹³.

Еще более красноречиво содержание новгородской берестяной грамоты № 705, датированной рубежом XII–XIII вв. Грамота представляет собой письмо некоего Домажира к шурину Якову. Домажир узнал, что его тяжелобольная сестра стала не угодна своему мужу. В случае ее смерти он требует от Якова прислать к нему их сына (своего племянника) «со ее знатебою» — скорее всего, завещанием сестры Домажира. «Паки ли не оуправивше того, а я тя передамо святые Богородице, ко нее же еси *заходиле роте*». Из этого следует, что ранее Яков публично признал имущественные права жены, принеся присягу в(?) церкви святой Богородицы. В.Л. Янин полагает, что договор был заключен «в церкви»¹⁴.

Мы склоняемся ко второму варианту. Весомым аргументом в пользу такой трактовки является знаменитое граффито XII в. в южной внешней галерее Софии Киевской. Согласно тексту граффито, покупка Бояновой земли состоялась «*передъ* с(вя)тою Софиею *передъ* попы», которые выступили в роли «послухов»¹⁵.

Приведенные выше известия, думается, дают вполне удовлетворительное объяснение обороту ст. 10 Краткой Правды «...то на роту» и фразам статей 22, 31, 37, 47–49, 52, 115, 118 Пространной Правды: «ити... роте», «ити... на роту», «пойдуть на роту», «идета на роту», «роте ходивше»¹⁶. Историки древнерусского права не задумывались, куда надо было идти на роту. В академическом «Словаре

¹¹ Там же. С. 17.

¹² Там же. С. 17–18, 24–26, 34, 37, 39, 95, 112, 116, 118.

¹³ Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Под ред. С.Н. Валка. М.; Л., 1949 (далее — ГВНП). С. 56. № 28.

¹⁴ Янин В.Л., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984–1989 гг.). М., 1993. С. 95–96, 98.

¹⁵ Высоцкий С.А. Древнерусские надписи Софии Киевской XI–XIV вв. Вып. 1. Киев, 1966. С. 61.

¹⁶ Российское законодательство X–XX веков: В 9 т. Т. 1. М., 1984. С. 47, 65–67, 72.

русского языка XI–XVII вв.» фраза «ити (ходить) роте (на роту)» переводится как «давать клятву, приносить присягу»¹⁷.

Мы полагаем, что во времена Русской Правды роту (присягу) следовало давать не на заседании суда, а перед храмом. Косвенным подтверждением этому, и еще одной параллелью к червонорусским материалам XV в., является содержание санкций-заклятий всех шести пользующихся доверием публичных и частных актов домонгольской Руси: киевский князь Мстислав Владимирович, его сыновья Всеволод, Изяслав и Ростислав, а также основатель новгородского Спасо-Хутынского монастыря Варлаам угрожали нарушителям своей воли небесными карами не только от Бога, но и от святых патронов адресатов пожалования (дарения)¹⁸.

Духовенство домонгольской Руси явно воспринимало роту как один из пережитков язычества, с которым приходится мириться в силу распространенности данного обычая. В послемонгольский период в Новгородской и Северо-Восточной Руси рота полностью вытесняется крестным целованием. Например, ст. 14–19 Новгородской Судной грамоты предусматривали, что все участники тяжбы в начале судебного процесса будут «крест целовать... на сей грамоте»¹⁹.

Вполне предсказуемы и изменения в княжеских и частных актах, сохранивших в своем формуляре санкцию-заклятье: в последней пропадает имя святого. Уже в уставной грамоте волынского князя Мстислава Даниловича (около 1289 г.) читаем: «А хто мое слово порушить, а станеть со мною перед Богом»²⁰. В новгородских духовных XIV–XV вв. санкция обычно выступает в виде формулы «А кто сие рукописание переступит, сужуся с ним перед Богом (в день Страшного суда)»²¹.

В захваченной поляками в 1349 г. Галицкой (Червонной) Руси клятва в возглавляемых католиками судах, с точки зрения православных жителей, была лишена сакрального смысла. Поэтому у них, в отличие от Новгородской и Северо-Восточной Руси, еще в 10-е годы XVI в.²² сохранялся восходивший к домонгольскому времени обычай принесения присяги на рукояти-кольце церковной двери.

Источники и литература:

1. Андреев В.Ф. Новгородский частный акт XII–XV вв. Л., 1986.
2. Высоцкий С.А. Древнерусские надписи Софии Киевской XI–XIV вв. Вып. 1. Киев, 1966.
3. Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Под ред. С.Н. Валка. М.; Л., 1949.
4. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М., 1984.
5. Гуревич А.Я. Культура и общество средневековой Европы глазами современников (Exempla XIII века). М., 1989.

¹⁷ Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 22. М., 1997. С. 221.

¹⁸ ГВНП. С. 139–141, 162. № 79–82, 104; Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. / Изд. подг. Я.Н. Щапов. М., 1976. С. 145.

¹⁹ Российское законодательство X–XX веков. Т. 1. С. 305–306.

²⁰ Там же. С. 210.

²¹ Андреев В.Ф. Новгородский частный акт XII–XV вв. Л., 1986. С. 108.

²² AGZ. Т. 19. We Lwowie, 1906. S. 680–681, 684–685. N 3117, 3120.

6. Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. / Изд. подг. Я.Н. Шапов. М., 1976.
7. Повесть временных лет. СПб., 1996.
8. Российское законодательство X–XX веков: В 9 т. Т. 1. М., 1984.
9. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 22. М., 1997.
10. Янин В.Л., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984–1989 гг.). М., 1993.
11. Akta grodzkie i ziemskie z czasów Rzeczypospolitej Polskiej z Archiwum tak zwanego bernardyńskiego we Lwowie
12. Hejnosz W. Fragmenty «Iuris Ruthenici» na Rusi Czerwonej pod koniec średniowiecza // Księga pamiątkowa ku czci Władysława Abrahama. T. 2. Lwów, 1931.